

Ее мышление очень отличает ее от тех, кто признает открытия психоанализа, не принимая их в то же время всерьез.

Эрнест Джонс

МЕЛАНИ КЛЯЙН В ИСТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Данное издание является первым полномасштабным представлением теории Мелани Кляйн на русском языке. За исключением пересказа некоторых идей Кляйн в работах ее критиков и интерпретаторов, до сего дня читатель мог познакомиться с этим психоаналитическим подходом лишь по двум недавним переводам: поздней работе «Зависть и благодарность» (1957 г., русский перевод — 1998 г.) и статье «Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца» (Глава 6 данной книги), опубликованной в сб. «Психоанализ в развитии». Книга «Развитие в психоанализе» (1952 г.) представляет собой не только оригинальное исследование раннего развития ребенка, но и уникальный документ истории психоаналитического движения, важнейшую веху в развитии психоаналитической мысли. Она появилась в результате знаменитой «Дискуссии о противоречиях» («Controversial discussion») 1943—1944 годов, проходившей между представителями Британского психоаналитического общества и Венской группы. Несмотря на ожесточенный характер полемики, окрашенной как научными расхожденьями, так и лич-

ными амбициями участников, было достигнуто уникальное для истории психоанализа соглашение, уравнивающее различные группы в правах и фактически узаконивающее теоретический плюрализм в психоанализе. Кляйнианский психоанализ не разделил участь индивидуальной и аналитической психологии, структурного психоанализа и неофрейдизма. Долгое время он оставался излюбленной темой для критики со стороны доминирующей в Северной Америке линии эго-психологии, однако сегодня мы являемся свидетелями медленного, но неуклонного проникновения идей М. Кляйн во все существующие психоаналитические подходы и институты¹. В данном случае история демонстрирует нам значительно большую продуктивность относительной лояльности в сравнении с сектантской непримиримостью. Обогащающее влияние «британской школы объектных отношений» ощутимо сегодня далеко за пределами Британии, как, впрочем, и за пределами самой школы М. Кляйн². Психоаналитики из России и других стран бывшего СССР уже в достаточной мере ощутили это влияние в контактах с международным психоаналитическим сообществом. Конечно же, популярность того или иного подхода (в достаточно узких психоаналитических кругах) отнюдь не устраняет теоретических возражений. Тем более важным кажется нам

¹ Достаточно указать, что нынешний президент Международной психоаналитической ассоциации Отто Ф. Кернберг значительную часть своих усилий посвятил распространению кляйнианского подхода в США и его интеграции с другими направлениями аналитической мысли.

² Иногда проводят различие между *британскими* и *английскими* теоретиками объектных отношений. В этом случае к последним относят исключительно представителей школы М. Кляйн, а к первым — работавшего в Шотландии Р.Д. Фэйрберна, его последователя Г. Гантрипа и некоторых участников т. наз. «Независимой группы» (например, Д.В. Винникотта).

возвращение к научным спорам, в которых зарождалось учение, достигающее наконец-то и наших пределов.

1

Мелани Кляйн родилась в Вене в 1882 году. Несмотря на то, что долгие годы Кляйн жила в одном городе с Зигмундом Фрейдом, ее первая встреча с психоанализом состоялась только в 1914—1915 гг. во время пребывания в Будапеште. Здесь Мелани посоветовали обратиться за консультацией к Шандору Ференци, который и стал ее первым психоаналитиком. В это время Кляйн находилась в подавленном состоянии в связи с недавней смертью матери и рождением третьего ребенка. По стечению обстоятельств, ее муж Артур был знаком с братом Ференци, что, по мнению биографов, могло оказать существенное влияние на возникновение неожиданного и интенсивного интереса Кляйн к психоанализу. Впервые она увидела Фрейда в 1918 году на 5-м Международном Конгрессе в Будапеште, где основатель психоанализа представлял доклад «Пути психоаналитической терапии». Символично, что центральной темой сообщения Фрейда была опасность смешения «чистого золота» анализа с другими психотерапевтическими техниками (в данном случае — с «медью» активного психотерапевтического вмешательства) [8, с. 140—150]. Знакомство с Фрейдом и его теорией произвело сильнейшее впечатление на начинающую исследовательницу. Кляйн приняла решение посвятить себя психоаналитической работе, и по совету своего аналитика начала заниматься психоанализом с детьми. Произошло это в 1917—1918 гг., и первым пациентом М. Кляйн стал ее собственный ребенок. Сегодня это может показаться довольно шокирующим, однако в то время подобная практика была общепринятой. Это было вполне в духе анализа Маленького Ганса, проводившегося его собственным отцом, попы-

ток Абрахама анализировать свою дочь, или, в конечном итоге, знаменитого анализа Анны Фрейд, который проводился самим Фрейдом. Первый опыт практической работы несомненно оказал значительное влияние на будущие теоретические ориентации и предпочтения Мелани Кляйн. В 1919 году Кляйн вступила в Венгерское психоаналитическое общество, выступив с докладом «О развитии одного ребенка». В окончательном виде ее взгляды на детский психоанализ были представлены в книге 1932 года «Психоанализ детей».

Из-за политической нестабильности в Европе в 1920 году Кляйн вынуждена была переехать в Берлин, где она продолжала изучать и практиковать психоанализ, развивая собственный оригинальный подход к аналитической работе с детьми. В Берлине Кляйн познакомилась с Карлом Абрахамом, который в 1924 году согласился стать ее аналитиком. Через восемнадцать месяцев после начала анализа Абрахам умер, и анализ Кляйн неожиданно прервался. Карл Абрахам обладал особым положением внутри аналитического сообщества, поскольку он, наряду с Юнгом (работавшим в Цюрихе), Ференци (в Будапеште) и Джонсом (в Лондоне), был одним из пионеров психоаналитического движения за пределами Вены. Его авторитету способствовала многолетняя репутация безупречного и уникального клинического специалиста, а также личная близость к Фрейду и безусловное признание с его стороны. В период общения с Мелани Кляйн Абрахам являлся президентом Международной психоаналитической ассоциации, и это обстоятельство не могло не сказаться на профессиональном продвижении его протеже. Абрахам заинтересовался попытками Кляйн найти подтверждение психоаналитических теорий детского развития в непосредственном анализе детей, поскольку сам занимался изучением роли садизма в раннем развитии и его влияния на формирование психотической личности. Кляйн неоднократно признавала, что идеи Абрахама оказали

влияние на становление ее теории, но следует отметить, что и сам Абрахам был серьезно впечатлен ее клиническими успехами. Однако со временем влиятельное покровительство Абрахама стало одной из причин, по которым многие члены Берлинского психоаналитического общества стали испытывать по отношению к Кляйн нарастающую неприязнь. Сложные и противоречивые отношения с различными психоаналитическими сообществами сопутствовали Мелани Кляйн на протяжении всей ее профессиональной карьеры. Немалую роль в этом, следует признать, сыграли и особенности ее сложного характера.

В Берлине Кляйн познакомилась с несколькими британскими аналитиками, которые также проходили индивидуальный анализ у Карла Абрахама. В их числе были Эдвард Гловер и Алике Стрейчи (жена Джеймса Стрейчи). Результатом этого знакомства стало предложение приехать в Лондон с курсом лекций, освещающих основные положения разрабатываемой Кляйн теории. Мелани Кляйн приехала в Лондон и вскоре приняла предложение тогдашнего главы Британского психоаналитического общества Эрнеста Джонса продолжить свою работу в Британии. Здесь ее идеи нашли живой отклик среди специалистов, а Кляйн, лишившаяся покровительства Абрахама в Германии после его внезапной смерти в 1925 г., вновь обрела влиятельную протекцию в лице Джонса. Расположение последнего к Мелани Кляйн во многом было обусловлено тем, что с 1926 г. она успешно занималась лечением одного, а затем и второго из детей Джонса. Уникальные клинические способности Кляйн в сочетании с большой научной смелостью позволили ей завоевать большое число сторонников и единомышленников. Однако чрезвычайно сложный и противоречивый нрав приводил к тому, что М. Кляйн теряла многих союзников, не выносивших ее конфликтности и авторитарности. Постоянно работали вместе с Кляйн только самые талантливые и

верные ее последователи. Так называемая «*группа кляйнианских аналитиков*» в разные периоды меняла свой состав коренным образом, но ее активность, смелость и сплоченность всегда компенсировали малочисленность и создавали впечатление стабильного существования большой и влиятельной группы. Мелани Кляйн умерла в Лондоне в 1960 году, оставив после себя богатейшую традицию психоаналитических исследований.

2

В 20—30-е годы Британское психоаналитическое общество (БПО) в значительной мере уже сформировало оригинальный и серьезно отличавшийся от классического подход к теории и практике психоанализа. Со временем это обстоятельство стало одной из наиболее важных причин возникновения враждебности и конфликтов между британскими и венскими психоаналитиками. Противостояние двух школ психоанализа максимально обострилось после переезда Мелани Кляйн в Лондон в 1926 г. В это время Кляйн начала активно внедрять *игровую технику* в практику детского анализа, став безусловным пионером этого направления. В 1927 году Анна Фрейд опубликовала в Вене свое «Введение в технику детского психоанализа», в котором, в частности, критиковала терапевтические методы Кляйн, отрицала понятие инфантильного Супер-Эго, ставила под вопрос значение переноса и агрессивных фантазий в детском анализе [7]. С критикой данной работы выступили Эрнест Джонс и Джоан Райвери. Это, в свою очередь, вызвало негативную реакцию З. Фрейда, раздосадованного нападками на Анну. Фрейд не принимал концепции раннего Эдипова комплекса и с большой долей скептицизма воспринимал научную работу своей анализантки Райвери. Тем не менее со временем обе стороны стали ощущать острую потребность в конструктивном взаимодействии и обмене на-

копившимися результатами. Два психоаналитических сообщества приняли решение о начале процесса обмена опытом, который должен был сблизить обе школы и, в определенной мере, сгладить существовавшие противоречия в их подходах. Началом «процесса сближения» должен был стать обмен лекциями в ходе визитов представителей каждой из сторон. Первым опытом такого рода была лекция Э. Джонса, посетившего Вену в 1935 году. В 1936 году в Вену приехала с курсом лекций Джоан Райвери. Активность венской стороны выразилась в посещении Лондона Р. Уэлдером в 1936 году и в публикации его работы, которая представляла собой ответ на лекции Дж. Райвери (1937). Таким образом состоялся первый этап диалога между венским и британским психоаналитическим сообществом. Однако политические события в Европе внесли принципиальные изменения в развитие отношений между двумя школами, заставив одну из сторон пойти на сближение в прямом смысле этого слова. Приход к власти в Германии национал-социалистов и последовавший в 1938 году аншлюс Австрии вынудили венских психоаналитиков эмигрировать в другие страны. По стечению обстоятельств Зигмунд Фрейд и Анна Фрейд переехали именно в Лондон, образовав таким образом в Англии ядро новой группы аналитиков «венской школы», противопоставлявших свои взгляды «кляйнианцам». Вместе с несколькими видными английскими аналитиками, в числе которых можно отметить Эдварда Гловера и Мелитту Шмидеберг (дочь М. Кляйн), они создали оппозиционную группу, активно критиковавшую подход Кляйн. Гловер и Шмидеберг первоначально были сторонниками Мелани Кляйн, но перестали разделять ее взгляды после введения в 1935 году теоретического положения о *депрессивной позиции*, и со временем превратились в ярых оппонентов кляйнианской группы. С момента прибытия в Англию венских психоаналитиков Британское психоаналитическое общество ока-

залось вовлечено в длительный и напряженный спор, происходивший между двумя конфликтующими группами. Кляйнианская группа резко реагировала на критику со стороны «венцев» и активно пыталась отстоять преимущества своих теоретических и практических нововведений. Из-за столь острого конфликта деятельность БПО, и без того затрудненная условиями военного времени, оказалась практически парализованной, особенно в плане подготовки новых аналитиков. Стороны вынуждены были согласиться на временное перемирие, в ходе которого планировалось провести ряд деловых встреч с целью обсуждения спорных аспектов кляйнианской теории психоанализа. В течение последующих восемнадцати месяцев кляйнианцами была представлена на рассмотрение серия из четырех докладов, освещающих критические стороны их теории: в 1943 г. — работа Сюзан Айзекс «О природе и функции фантазии», обсуждавшаяся в течение пяти встреч; доклад «Функции проекции и интроекции в раннем младенчестве», прочитанный Паулой Хайманн и обсуждавшийся в ходе двух встреч; работа Сюзан Айзекс и Паулы Хайманн «Регрессия», дискуссии по поводу которой также происходили в ходе двух встреч; и затем в 1944 году (хотя к этому времени большинство «венских» аналитиков отказалось от посещения собраний, а Э. Гловер вообще покинул БПО) — работа «Об эмоциональной жизни ребенка в свете концепции депрессивной позиции », которая была представлена самой Мелани Кляйн и обсуждалась в течение нескольких собраний. Эти доклады и вошли в переработанном виде в книгу «Развитие в психоанализе » (1952). Встречи и дискуссии представителей двух психоаналитических течений не смогли разрешить существующих научных проблем и противоречий, однако ярко продемонстрировали принципиальные различия в подходах двух школ. Кляйнианские аналитики столкнулись с необходимостью более точной и последовательной формулировки по-

ложений своей теории и, к большому удивлению их венских коллег, сумели убедительно и изящно аргументировать свою позицию. Итогом встреч стало заключение неформального договора о структуре и руководстве БПО и об условиях подготовки молодых специалистов.

Итоговая договоренность, заключенная сторонами, приобрела широкую известность под именем *«Джентльменского соглашения»*¹. Ироничность названия состоит в том, что договор заключался тремя женщинами: Мелани Кляйн, Анной Фрейд и президентом БПО Сильвией Пэйн. При строгом контроле за сохранением равноправия в отношениях было решено одобрить образование внутри БПО трех аналитических групп: «Кляйнианской группы», «В-группы», которая позднее получила название «Групп современных фрейдистов» и «Группы независимых аналитиков»². Данное соглашение (которое, кстати говоря, никогда и нигде не было зафиксировано письменно) стало поворотным пунктом в истории Британского общества и во многом предопределило способы достижения компромисса в психоаналитическом сообществе как таковом.

¹ Действие «Джентльменского соглашения» охватывало представительство в основных комитетах БПО {например, комитета по образованию}, занятие ответственных должностей (например, президента) и участие в главных мероприятиях Общества. Во всех этих областях соблюдались принципы равных частей или ротации. Несмотря на периодическую критику, соглашение стало основой структуры БПО и соблюдается до сего дня. По мере сглаживания теоретических противоречий, все большее значение приобретают формально-процедурные аспекты разделения функций между группами и некие «идеологические» способы установления идентичности аналитиков [1; 12].

² В эту группу вошли такие известные аналитики, как М. Балинт, Д.В. Винникотт, С.Пэйн, а со временем — М. Литтл, М. Хан, Г.Стюарт и др. Образование группы «Независимых аналитиков» стимулировало выработку «Джентльменского соглашения», и сегодня она является самой многочисленной в БПО.

Позиция противника любых форм эклектизма Э. Гловера, выраженная словами «... когда речь идет об основополагающих принципах, ни о каких джентльменских соглашениях не может идти и речи» [2, с. 198], все больше выглядела научным экстремизмом. Эпоха отречений и ритуальных изгнаний в психоанализе уходила в прошлое. Психоаналитическое сообщество, которое Филипп Риф назвал «противоречием в определениях», с этого момента становится открытым плюрализму научных идей и концепций, и в этом, безусловно, одна из важнейших заслуг Мелани Кляйн и ее школы. При этом необходимо отметить, что основные действующие лица полемики — М. Кляйн и А. Фрейд — очень скоро покинули поле политической борьбы и компромисса ради теоретической деятельности, где диалог затруднен, а эклектика и в самом деле губительна.

3

Четко оформленной «*кляйнианской группы*» не существовало до середины 40-х годов. Сторонниками Кляйн на ранних этапах ее карьеры были такие выдающиеся члены БПО, как Э. Джонс и Э. Гловер, которые решились оказать Кляйн поддержку, несмотря на то, что на континенте ее репутация была далеко не блестящей. Среди сторонников Кляйн в это время можно также отметить М. Брайерли, Алике и Джеймса Стрейчи, дочь М. Кляйн Мелитту Шмидеберг. С момента прибытия в Лондон Кляйн заручилась поддержкой нескольких лояльных сторонников, которые оставались на ее стороне даже в период кризиса 1932 г., когда Э. Гловер и М. Шмидеберг образовали оппозиционное течение. Среди этих особо верных приверженцев можно отметить Дж. Райвери, С. Айзекс, М. Серл и П. Хайманн. Эти люди поддерживали Кляйн вплоть до военных лет и некоторое время после начала войны. Именно их усилиями были созданы работы, придавшие конкретные очертания концепциям *депрессивной по-*

зиции, бессознательной фантазии, внутренних объектов. Однако эти сторонники постепенно и по разным причинам оставили Кляйн. Сюзн Айзекс умерла в 1948 г., Джоан Райвери перестала интересоваться кляйнианскими теоретическими разработками под влиянием группы «венских» аналитиков, Паула Хайманн в 1956 обнаружила, что ей открываются большие перспективы, не требующие продолжения сотрудничества с Кляйн.

Участниками «Дискуссии о противоречиях», развернувшейся в течение 10 встреч с января 1943 до мая 1944, со стороны кляйнианской группы выступили сама М. Кляйн, С. Айзекс, П. Хайманн и Дж. Райвери. Впоследствии эти четыре женщины стали соавторами книги «Развитие в психоанализе» (1952г.), которая подводила итог Дискуссии и обобщала взгляды школы Кляйн на раннее развитие ребенка.

Сюзн Айзекс (1885—1948) оказала неоценимую помощь М. Кляйн на ранних этапах ее деятельности и в период научных дискуссий с венскими психоаналитиками. Именно ей удавалось придавать обсуждению клинического материала черты классических академических дебатов. Айзекс получила блестящее образование и навсегда сохранила глубокий интерес к проблемам образования и педагогики, совмещая свою психоаналитическую деятельность с преподаванием в Институте образования Лондонского университета. Одно время она даже являлась главой экспериментальной прогрессивной школы для маленьких детей в Кембридже. Работы С. Айзекс пользуются большим авторитетом у специалистов в сфере аналитической терапии и педагогики — как и Кляйн, она не разграничивала эти области. Ее статьи представляют собой наиболее точное и строгое изложение базовых идей кляйнианской школы, и прекрасно иллюстрированы клиническим материалом. Важнейшим научным вкладом Айзекс принято считать детальное изложение концепции бес-

сознательной фантазии. Трудно определенно сказать, какая именно часть этой концепции, со всей ее философской и психоаналитической глубиной, является результатом работы Айзекс, а какая принадлежит Кляйн. Вероятнее всего, первоначальная идея клинициста получила в данном случае развитие в ходе тесного сотрудничества с академическим ученым.

Паула Хайманн (1899 — 1982) занималась изучением медицины, а потом и психоанализа в Берлине. После эмиграции в Англию Хайманн продолжила психоаналитическую подготовку под руководством М. Кляйн. Со временем она стала одной из самых верных идейных союзниц Кляйн. Вместе с Сюзан Айзекс Хайманн активно отстаивала позиции Кляйн в 40-е годы, когда кляйнианская группа подверглась массированным атакам со стороны «венских» психоаналитиков. Причины, по которым между Кляйн и Хайманн возникли неразрешимые разногласия, остаются загадкой. Этот конфликт никогда не становился достоянием общественности. Тем не менее в 1956 году Хайманн, к огромному изумлению всех остальных членов БПО, вышла из состава кляйнианской группы и присоединилась к группе независимых аналитиков.

Поводом для конфликта между Кляйн и Хайманн вполне могли стать серьезные разногласия в понимании *контрпереноса* [10]. В 1950 году на Международном психоаналитическом конгрессе в Цюрихе Хайманн обнародовала доклад, в котором определяла контрперенос как феномен, охватывающий все чувства аналитика к пациенту, и являющийся созданием и даже «частью личности» пациента. Кляйн относилась к этой концепции с недоверием и некоторой настороженностью, отговаривая Хайманн от выступления и последующей публикации своих работ по данной теме. По-видимому, она усматривала в них отступление от фрейдовской позиции в отношении *нейтральности* аналитика (см. доклад «Пути психоаналитической терапии») и от ряда по-

ложений своей теории. Так или иначе, но Хайманн не приняла этого совета и опубликовала собственные работы, хотя жесткое отвержение со стороны Кляйн стало для Хайманн настоящим ударом. Следует отметить, что и сама Хайманн вела себя в отношении М. Кляйн провоцирующим образом. Будучи в 40-е годы одной из наиболее авторитетных толковательниц кляйнианской теории депрессивной позиции, в своих работах и выступлениях она никогда не упоминала о *шизоидно-параноидной позиции*. Не менее дорогая для Кляйн концепция *проективной идентификации*, на которой первоначально строилось обоснование терапевтического значения контрпереноса, со временем также перестала упоминаться Хайманн. Кляйн расценивала такое поведение как месть — примитивное проявление, о котором Кляйн так много писала. Для Хайманн также оставалась проблемой кляйнианская теория *зависти*, которую она упорно не принимала. Признавая факт существования влечения смерти, в своих поздних работах Хайманн попыталась предложить новую его трактовку, отличную от кляйнианской. Со временем она отказалась и от однозначной интерпретации контрпереноса, продолжив данную тему в цикле работ о когнитивных процессах аналитического понимания.

Из всех авторов данной книги, ее составитель и активный участник Дискуссии **Джоан Райвери (1883—1962)**, пожалуй, в наименьшей степени может быть отнесена к прямым последователям Кляйн. Эта тонкая и многогранная исследовательница оставила нам в наследство психоаналитические работы о ревности, женской сексуальности, литературе и театре, но никогда не выступала в роли детского аналитика. И тем не менее период ее сотрудничества с Мелани Кляйн оказался чрезвычайно продуктивным. Джоан Райвери была членом Британского психоаналитического общества со времени его основания в 1919 году. Она проходила личный психоанализ вначале у Э. Джонса, а с 1922 года у самого

3. Фрейда (который охарактеризовал ее основную проблему как нарциссизм). Долгое время эта женщина выступала посредником между Лондоном и Веной (Джонсом и Фрейдом), зачастую в ущерб своим личным интересам. Выступление в защиту работы М. Кляйн резко обострило отношения Райвери с Фрейдом. В 1936 году в Венском психоаналитическом обществе она выступила с докладом о психическом конфликте в раннем младенчестве, который в переработанном виде вошел в книгу «Психоанализ в развитии», Дж. Райвери глубоко восприняла открытия Кляйн, и ее безусловной заслугой следует признать усилия по их систематизации и последовательному осмыслению. Однако в дальнейшем направление исследований Райвери отклонилось от основной тематики кляйнианской группы, в большей степени развивая ее собственные интересы в области психологии женственности и «внутреннего мира» литературы.

Вышедшие в начале 30-х годов работы Кляйн, которые представляли собой новаторский и очень необычный психоаналитический подход к проблемам психотических пациентов, привлекли на ее сторону группу врачей. Многие из них стали проходить обучающий анализ у Кляйн. Среди них были У.К.М. Скотт, Дж. Боулби, Д.В. Винникотт. Новые сотрудники были высококласными медиками, имели безупречную врачебную репутацию и пользовались большим влиянием в своих профессиональных кругах, что было чрезвычайно полезно для Кляйн. Вне всякого сомнения, в ходе общения и сотрудничества с этими людьми Кляйн приобрела новые знания, необходимые для понимания шизоидных механизмов — *расщепления, проекции, интроекции и проективной идентификации*. Тем не менее большинство из этих новых последователей покинуло ее группу вскоре после прибытия в Лондон А. Фрейд, а некоторые так и не стали ее полноценными участниками.

Вскоре после войны вокруг Кляйн собралась новая группа, состоявшая из недавно прибывших в Британию

молодых врачей, многие из которых не занимались психоанализом ранее. Эту группу принято считать вторым поколением кляйнианских аналитиков, среди которых особенно ярко выделялись Ханна Сигал, Х. Розенфельд и Вилфред Байон. Именно они, при твердой и авторитетной поддержке со стороны Роджера Мани-Кёрла и Дональда Мельцера, дали новый толчок развитию кляйнианской мысли, почти полностью базировавшийся на расширении и углублении концепции *проективной идентификации*. Со временем образ «кляйнианского психоаналитика» стал пользоваться широким и прочным авторитетом, и многие люди приезжали из других стран для прохождения психоаналитической подготовки в Британию. Впоследствии кляйнианский подход получил особое распространение в Италии и странах Латинской Америки, а после нескольких визитов В.Р. Байона в США и там оформилась небольшая группа кляйниански ориентированных психоаналитиков.

4

Теоретические расхождения между психоаналитической теорией Мелани Кляйн и эго-психологией, у истоков которой стояли Анна Фрейд, Х. Хартманн и Д. Рапапорт, сосредоточились в итоге вокруг нескольких принципиальных положений¹.

1) Первый год жизни ребенка и первичный нарциссизм

Представление эго-психологов о том, что объектные отношения не существуют с момента рождения, базируется на положении теории Фрейда и, в частности, на работе «О нарциссизме: Введение» (1914). Эти

¹ Выделяя данные пункты разногласий, мы следуем указаниям Р.Д. Хиншелвуда [12], с некоторыми собственными дополнениями. См. также [10; 16].

представления подкреплялись экспериментальными исследованиями Р.А. Шпица (1950) и М.С. Малер (1975), развивавшими представления об объектных отношениях в русле традиции эго-психологии. В чистом виде эта концепция вызывает сегодня сомнения даже в стане ортодоксальных эго-психологов. Кроме того, вытекающее из нее положение об отсутствии феномена *переноса* в детском психоанализе было отвергнуто и самой А. Фрейд в своих поздних работах.

Верность фрейдовской теории *первичного нарциссизма* стала причиной принципиального неприятия эго-психологами исследования М. Кляйн ранних форм объектных отношений. Эго-психология не допускала возможности того, что ребенок способен преодолевать границы Эго, устанавливать отношения с объектами и проводить различие между «хорошими» и «плохими» объектами. Ее приверженцы утверждают, что способность фантазировать появляется у ребенка только на 6—9 месяце жизни [16]. Подобные разногласия имеют огромное значение, поскольку эго-психологи тем самым отвергают кляйнианскую концепцию примитивных механизмов защиты, действующих в течение первых шести месяцев жизни, полагая, что Эго просто не существует на этой стадии.

2) Место и роль деструктивности

Представители эго-психологии выступают с резкой и настойчивой критикой использования концепции *влечения смерти* в работе с клиническим материалом. М. Кляйн стала одной из немногих психоаналитиков, поддержавших фрейдовскую идею влечения смерти¹.

¹ Среди других аналитических направлений, разрабатывающих данное положение теории Фрейда, можно назвать, пожалуй, только структурный психоанализ Ж. Лакана. За вычетом этих двух школ и нескольких отдельных исследований (например, К.А. Меннингера), концепцию влечения смерти можно назвать самой непопулярной среди аналитиков идеей Зигмунда Фрейда.

Для последователей Кляйн данная концепция стала основой понимания действия персекуторной и депрессивной тревог в раннем младенчестве и функционирование таких примитивных защитных механизмов, как проекция, интроекция, расщепление и проективная идентификация. В клиническом отношении внимание к внутренним источникам агрессии, а также к ее проявлениям в переносе, позволило разработать специфические техники интерпретации, приобретающие особое значение в работе с пациентами с психотическими и пограничными (borderline) расстройствами.

3) Адаптация или интеграция в терапии

Радикально отличается понимание самой цели психоаналитической терапии в эгопсихологическом и кляйнианском психоаналитических подходах. В кляйнианской теории принято считать, что цель терапии заключается в *интеграции* частей личности, которые ранее были расщеплены или находились в состоянии конфликта друг с другом. Это достаточно сильно отличается от подхода эго-психологов, которые видят своей целью высвобождение врожденной способности пациента нормально *адаптироваться* к социальному миру, вступать с ним в зрелые и бесконфликтные отношения.

В вопросе о возможностях и методах терапевтической техники кляйнианцы занимали более ортодоксальную и радикальную позицию, чем эго-психологи. Центральным и доминирующим методом терапевтической работы они продолжали считать интерпретацию переноса, пренебрегая другими способами терапевтического вмешательства. При этом понятие переноса включало любые формы взаимодействия пациента и аналитика, а интерпретации предлагалось делать прямо, без предварительного установления рабочего альянса, с преимущественным вниманием к их точности. Проработку сопротивлений в кляйниан-

ской технике во многом заменяла интерпретация агрессивных составляющих переноса — примитивных жадности, ненависти, контроля, зависти. Последнее следует признать безусловно ценным вкладом школы Кляйн в технику психоанализа и в особенности терапии психотических и пограничных психических расстройств. Героические же попытки последователей Кляйн (Х. Розенфельда, Х. Сигал) строить работу с психотическими пациентами исключительно на технике интерпретации показали ограниченность данного подхода. Укрепление здоровых частей Эго, проповедуемое приверженцами эго-психологии, имело в этой области не менее впечатляющие успехи.

Открытие значения депрессивной позиции в развитии ребенка придало новое направление терапевтическим усилиям аналитиков-кляйнианцев. Отныне анализ не считался законченным без проработки депрессивной вины, тревоги и амбивалентности. Депрессивная позиция стала считаться центральным моментом формирования человеческой субъективности, потеснив в таком качестве Эдипов комплекс Фрейда. Даже те аналитики, которые не разделяли мнения Кляйн о депрессивной позиции, вынуждены были сместить свой терапевтический интерес к так называемым «доэдиповым» стадиям развития (процессам сепарации-индивидуации в подходе М.С. Малер, нарциссическим отношениям с объектом в психологии самости Х. Кохута и др.). Заслуга Кляйн в этом смещении интереса очевидна и общепризнанна.

Кроме указанных положений, следует отметить различия в понимании *техники исследования и терапевтической работы*.

4) Техника исследования

Если эго-психологи в своей научной работе опирались на эмпирические критерии достоверности и фальсификации гипотез (что обусловило их близость акаде-

мической психологии и в частности бихевиоризму), то кляйнианцы в гораздо большей мере опосредовали собственные наблюдения интерпретативными техниками. Подобными примерами интерпретации эмпирических данных изобилует книга «Развитие в психоанализе». Опасности такого пути очевидны — исследователь легко **может принять собственные фантазии или реконструкции за реальную картину переживаний ребенка**. Однако не следует отбрасывать и явные достоинства подобной стратегии, хотя бы и вынужденной. Они, на наш взгляд, состоят в признании того факта, что «такой вещи как ребенок не существует» (Винникотт) не только в развитии или терапии, но и в психологическом исследовании. Примером эпистемологического взаимонепонимания может служить длящийся спор по поводу бессознательных фантазий [16]. *Сторонники эмпирических методов не устают повторять, что постулируя наличие бессознательных фантазий на первом году жизни младенца, М. Кляйн приписывает ему способности ребенка гораздо старшего возраста, и при этом делает утверждение, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. У кляйнианцев находится ответ на это возражение: С. Айзекс и М. Кляйн неоднократно отмечают в своих статьях, что речь идет о неких телесно-моторных и сенсорных репрезентациях влечений и их объектов, которые, по-видимому, лишь со временем обретают визуальные, а затем и вербальные формы выражения. Формулируя данные представления посредством речи, мы, безусловно, выбираем не самый адекватный способ. Тем не менее он остается единственно доступным и совпадает с естественным путем развития психики — символизацией и трансформацией переживаний в последствии.* Конечно же, не сложно представить себе контраргументы противников теории Кляйн и потому окончательный вердикт в этом споре мы оставим за читателем.

Необходимо также отметить, что идеи М. Кляйн послужили толчком к началу «эры контрпереноса» в

современном психоанализе. Несмотря на то, что сама Кляйн в итоге отказалась признать расширенное понимание контрпереноса¹, предлагавшееся П. Хайманн и Х. Ракером, без воздействия ее теории такое расширение вряд ли было бы возможным [10]. *Использование контрпереноса многими аналитиками признается главным достижением терапевтической техники со времен Фрейда. Теоретическое же обоснование данной технической новации вполне естественно апеллирует к кляйнианскому пониманию переноса как экстернализации внутренних объектных отношений, опирающейся на примитивные защитные механизмы (такие, как проективная идентификация)². Такое «пространственное» описание переноса, в противоположность фрейдовскому темпоральному, требует учета реальных чувств и фантазий аналитика, участвующего в сценическом разыгрывании внутренней драмы пациента. На этом уровне взаимодействие «аналитической пары» определяется примитивными защитными механизмами, функционирующими еще до образования стабильных границ Эго и объекта, и постепенно эти границы конституирующими.*

Кляйнианский психоанализ оказал значительное влияние на психологию развития, психоаналитическую терапию, психодинамическую теорию групповых процессов. Ближайшие последователи Кляйн продолжили разработку понятия проективной идентификации и

¹ Так же, как и некоторые ее последователи, такие, как, например, Д.В. Винникотт, много сделавший для пробуждения интереса к контрпереносу, но вернувшийся в конце концов к традиционному его пониманию.

² Так, например, Х. Томэ и Х. Кэхеле утверждают, что последовательная разработка теории проективной идентификации могла бы дать психоанализу собственную и совершенно оригинальную теорию коммуникации. При этом сами авторы подчеркнуто ориентированы на более традиционные вне-аналитические теории диалога [6, т. 2, с. 209; т. 1, с. 131—153].

придали ему позитивное значение. Сама Мелани Кляйн применила данную концепцию к описанию аффективного взаимодействия матери-ребенка (и аналитика-пациента) в поздней работе «Зависть и благодарность» (1957 г.). В это же время В.Р. Байон предложил свое описание протекающего между матерью и ребенком процесса «контейнирования», в котором проецируемые ребенком негативные аспекты самости превращаются в позитивные и приемлемые. Х. Сигал провела четкое различие между данным процессом и самой проективной идентификацией, происходящей при неудаче контейнирования. *Можно сказать, что в целом данная линия исследований развивалась в направлении все большего учета влияния внешних объектных отношений на развитие ребенка. В том же направлении двигался и Д.В. Винникотт, вводя понятия «холдинга» (поддерживающего окружения), «переходных объектов» (на границе внешнего и внутреннего мира) и «фантазирования» (пространства осуществленных иллюзий между матерью и ребенком)* [15].

Подводя итог, отметим, что сегодня находится все больше психоаналитиков, именующих себя «кляйнианцами», и еще больше тех, кто испытал влияние этого подхода. Но наиболее обнадеживающе, на наш взгляд, выглядит наметившаяся тенденция к интеграции идей Кляйн с другими направлениями психоаналитической мысли. В целом теория Мелани Кляйн располагается на границе между классическими психодинамическими теориями *влечений* и теориями *объектных отношений*. Оригинальный и все еще многообещающий вклад Кляйн заключается в разработке концепций *бессознательных фантазий* (как репрезентаций влечений)¹, *внутренних объектных*

¹ Следует отметить, что М. Кляйн и ее последователи достаточно четко разграничили сознательные и бессознательные фантазии (см. об этом в Главе 3), однако в гораздо меньшей степени учитывали различие влечений и инстинктов.

отношений, ранних механизмов защиты и ранних форм организации отношения к объектам (т.н. позиций). В связи с современной потребностью в теоретической интеграции психоаналитического учения о влечениях, психологии Эго и теорий объектных отношений, значение подхода М. Кляйн трудно переоценить. Обращаясь к нему, мы получаем возможность исследовать происхождение тех расщеплений аналитического учения, которые сегодня с таким трудом преодолеваются.

Библиография

1. Бриттон Р. Английское решение проблемы: сдерживание иди создание конфликта// Доклад на 7-м Восточноевропейском психоаналитическом семинаре. — Москва, 29 мая — 1 июня 1998.
2. Гловер Э. Фрейд или Юнг. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
3. Кляйн М. Зависть и благодарность: Исследование бессознательных источников. — СПб.: Б.С.К., 1998.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М.: Высшая школа, 1996.
5. Психоанализ в развитии: Сб. переводов/ Сост. А.П. Поршенко И.Ю. Романов. — Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
6. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ: В 2 т. — М.: Прогресс—Литера, Изд-во агентства «Яхтсмен», 1996.
7. Фрейд А., Фрейд З. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов: Сб. работ/ Сост. и ред. М.М. Решетников. — СПб.: ВЕИП, 1997.
8. Фрейд З. Психоаналитические этюды. — Минск: Беларусь, 1991.
9. Aguayo J. Historicising the origins of Kleinian psychoanalysis //The International Journal of Psycho-Analysis. — 1997. — Vol. 78, part 6. — P. 1165—1182.
10. Etchegoyen H.R. The fundamentals of psychoanalytic technique. — London—New York: Karnac Books, 1991.
11. Frank C., Weis H. The origins of disquieting discoveries by Melanie Klein: the possible significance of the case of 'Erna'// The International Journal of Psycho-Analysis. — 1996. — Vol. 77, part 6. — P. 1101—1126.
12. Hinshelwood R.D. A dictionary of Kleinian thought. — London: Free Association Books, 1991.
13. Hinshelwood R.D. The elusive concept of «internal objects» (1934—1943): Its role in the formation of the Klein group// The International Journal of Psycho-Analysis. — 1997. — Vol. 78, part 5. — P. 877—897.
14. Hughes M.A. Personal experiences — professional interests: Joan Riviere and femininity// The International Journal of Psycho-Analysis. — 1997. — Vol. 78, part 5. — P. 899—911.
15. Khan M.M.R. Introduction // Winnicott D.W. Through paediatrics to psycho-analysis: Collected Papers. — London: Karnac Books, 1992.
16. Reed G.S., Boudry F. The logic of controversy: Susan Isaacs and Anna Freud on f(ph)antasy // Journal of the American Psychoanalytic Association. — 1997. — Vol. 45, N 2. — P.465—490.